

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

И. В. Силантьев

ГАЗЕТА И РОМАН

Риторика дискурсных смешений

*Ответственный редактор
Ю. В. Шатин*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

ББК 83.3Р
С 36

Издание подготовлено в рамках
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Этнокультурное взаимодействие в Евразии»
и при поддержке Фонда содействия отечественной науке

Утверждено к печати Ученым советом Института филологии
Сибирского отделения РАН

Силантьев И. В.

С 36 Газета и роман: Риторика дискурсных смещений /
Отв. ред. Ю. В. Шатин. — М.: Языки славянской культуры,
2006. — 224 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0117-9

В книге на основе единого подхода дискурсного анализа исследуются риторические принципы и механизмы текстообразования в современной массовой газете и в современном романе. Материалом для анализа выступают, с одной стороны, тексты «Комсомольской правды», с другой стороны, роман Виктора Пелевина «Generation “П”». В книге также рассматриваются проблемы общей типологии дискурсов. Работа адресована литературоведам, семиологам и исследователям текста.

83.3Р

В оформлении переплета использована фотография, сделанная автором

ISBN 5-9551-0117-9

© И. В. Силантьев, 2006
© Языки славянской культуры, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	7
Дискурс. Тело дискурса. Высказывание. Высказывание и текст. Жанр. Жанр и дискурс. Дискурсные роли. Множественность дискурсов. Интертекстуальность vs. интердискурсивность. Интердискурсивность в журналистике. Текст в системе дискурсных взаимодействий	
<i>Часть I. ГАЗЕТА</i>	41
<i>Предисловие к первой части</i>	43
<i>Глава I. Границы газетного дискурса</i>	44
Среди людей и вещей. «Словно бы» и «как бы». Хронология. Территория. Институциональные маркеры	
<i>Глава II. Полидискурсивность газетного текста</i>	56
«Картина дня». Фрагментарность и целостность. От официоза до обывательской сенсации. Дискурс справедливости. Дискурс «верхов» и его деконструкция. Политический дискурс на улице. Еще о дискурсе «верхов». Где прячется «советский» дискурс. Сенсация в поле дискурса «болезненного сравнения». Частица «уже». Что такое «здоровый смысл»? «Заявление» о «просьбе» с «призывом». Привлекательность технического. В лабиринтах эпистолярной. Преодоление тематической фрагментарности. Порядок дискурсов. «Педсовет» и «политкухня»	
<i>Глава III. Газетные нарративы</i>	85
Процесс и факт. Факт и событие. Событие и нарратив. Два измерения нарратива. Событийность журналистского дискурса. Событие и хронотоп.	

Событие и чудо. Будущее повествовательное.
Интрига неудовлетворения. Анекдотичность га-
зетных нарративов

Глава IV. Агональность газетного дискурса. 114

Газета как игра в газету. Безграничное товарное
счастье. Доверительное второе лицо. Наруше-
ния доксы. Скрытые перформативы

Часть II. РОМАН 125

Предисловие ко второй части 127

Глава I. Риторика дискурсных смещений 131

Верховенство рекламного дискурса. Дискурс от-
кровения (сокровенного знания). Полидискурс-
сивность речи действующих лиц. Дискурсивные
взаимодействия в повествовательной речи рома-
на. Метафорика дискурсных смещений. Метони-
мика дискурсных смещений

**Глава II. Романый нарратив и его ироническое
преодоление. 164**

Татарский как Иванушка-дурачок. Татарский
как житийный герой. Татарский как фигура сю-
жетной иронии. «Переходная форма» от иронии
к цинизму. Кому принадлежат «тихие голоса»?

Заключение 190

Дискурсогенные факторы. Еще о порядке дис-
курсов. Множественность дискурсных классифи-
каций. Газета и роман

Литература 209

Указатель имен 215

Терминологический указатель 218

«Чтобы можно было, отложив роман, читать свежую и несвежую газету, и наоборот, отложив газету, полагать, что и не прерывались читать роман...»

Андрей Битов, «Пушкинский дом»

Введение

Дискурс

Человеческое общение не хаотично. Оно организуется и оформляется по-разному в зависимости от участников, целей, предмета и ситуации общения, в зависимости от социальных норм и культурных традиций. Каждый из нас владеет своим репертуаром коммуникативных практик. Мы о разном и по-разному говорим и пишем (а также слушаем и читаем) в кругу родных и друзей, на работе, на улице, на официальных приемах, в театре, университете, церкви. Термин «дискурс» на языке современной гуманитарной науки и означает устойчивую, социально и культурно определенную традицию человеческого общения¹. В многогранной реальности жизни, в ее разносторонних публичных и частных сферах мы являемся активными участниками различных и многих дискурсов — обиходного, официального, образовательного, научного, политического, публицистического, религиозного, эстетического и других.

Тело дискурса

Метафора тела в заголовке заимствована из языка программистов, которые говорят о «теле» алгоритма, взятом вне охватывающих его скобок раз-

---

¹ См. фундаментальные обзоры лингвистических и культурологических концепций дискурса в работах: *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000. С. 5—18; *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. М., 2003. С. 83—99; *Карасик В. И.* Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 226—239.

личных служебных знаков и помет. Прямой и очевидный смысл этой метафоры здесь — это «то, из чего, собственно, состоит», или «то, что составляет» дискурс в предложенной выше трактовке этого понятия. Данная смысловая формула, в свою очередь, развивает семантическое поле нашей метафоры — теперь в ней легко ощутить привкус медицинских коннотаций: тело дискурса (для нас) — не целостное и замкнутое для проникновения, а открытое для расклада частей, их исчисления, анализа, интерпретации и инвентаризации.

Итак, из чего непосредственно состоит дискурс? С учетом основополагающих представлений о дискурсе, выдвинутых М. Фуко², ответ может быть таким: тело дискурса — это открытое множество *высказываний*, как осуществленных в практике коммуникации, так и возможных, предосуществленных — однако высказываний не любых, а построенных в системе силовых линий социокультурного поля данного дискурса. В последнем отношении предложенное понимание дискурса не противоречит известным формулам Ц. Тодорова о дискурсе как структуре «после языка, но до высказывания»³ и Ю. С. Степанова о дискурсе как «особом использовании языка ... для выражения особой ментальности», а также «особой идеологии»⁴, или как о «языке в языке», «представленном в виде особой социальной данности»⁵.

---

² Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 63—71; 96—97; 117—118.

³ Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М., 1983. С. 367.

⁴ Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 37.

⁵ Там же. С. 43.

Высказывание

Всякий ответ содержит новый вопрос. Мы выделили слово *высказывание* курсивом, это обязывает к очередному определению. В рамках бахтинской трактовки высказывания, сформулированной ученым в работе «Проблема речевых жанров»⁶, мы можем определить высказывание как целостную единицу общения, характеризующуюся такими базовыми свойствами, как *информационная, интенциональная* и *композиционная* завершенность (о *композиционных* свойствах высказывания будет сказано несколько ниже, в разделе о жанре).

Универсальное качество информации очень точно (и адекватно общегуманитарной парадигме) определяет В. И. Тюпа: «Информация есть явление локального изоморфизма взаимодействующих систем»⁷. При этом нужно иметь в виду, что информативно не только взаимодействие (или, для нас, дискурсивное соположение) двух формально внешних по отношению друг к другу моментов — информативно и соположение частей внутри целого, частей, которые это целое, охватывая их общими границами в дискурсе, вынуждает тем самым входить в отношения соположения. Это значит, что всякое высказывание внутренне диалогично уже в силу своей информативности: в нем сочетаются и взаимодействуют два плана — как представители «взаимодействующих систем» — план *темь* и план *ремь* (ср. наблюдения М. М. Бахтина о внутренней диалогичности словосочетания «все высокое и прекрасное»⁸).

⁶ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 245—280.

⁷ Тюпа В. И. Прологомены к теории эстетического дискурса // Дискурс — 2/96. Новосибирск, 1996. С. 12.

⁸ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 286.

Для примера сравним три высказывания, развернутые в плане прямой и единственной интенции информирования:

«*Топор — это инструмент*». Здесь все в порядке: налицо *неполный* («локальный») изоморфизм темы и ремы; высказывание вполне информативно.

«*Топор — это топор*». Перед нами ситуация *полного* изоморфизма темы и ремы; высказывание неинформативно.

«*Топор — это кокетка*». Это ситуация *полного отсутствия* изоморфизма темы и ремы; высказывание также неинформативно (если только не принимать во внимание процедуру вынужденного «наведения смысла» (в том числе переносного) воспринимающим сознанием — процедуру, посредством которой сознание как бы защищается от нежелательной (неконструктивной в плане естественного поиска смысла) неинформативности.

В порядке любопытного художественного примера отсутствия изоморфизма как основы полной неинформативности приведем текст из романа Виктора Пелевина «Generation “П”», который выступит объектом нашего анализа во второй части книги: «Гиреев поразил его (Татарского. — И. С.) своим нарядом — синей рясой, поверх которой была накинута расшитая непальская жилетка. В руках он держал что-то вроде большой кофемолки, покрытой тибетскими буквами и украшенной цветными лентами, ручку которой он вращал; несмотря на крайнюю экзотичность всех элементов его наряда, в сочетании друг с другом они смотрелись настолько естественно, что как бы нейтрализовывали друг друга. Никто из прохожих не обращал на Гиреева никакого внимания: *подобно фонарному столбу или рекламе «Пепси-колы», он выпадал из поля восприятия из-за полной визуальной неинформативности*»

(48⁹; курсив наш. — *И. С.*). «Визуальная неинформативность» Гиреева, очевидно, есть результат полного отсутствия изоморфизма между ним и окружающим миром.

Вернемся к теме. Другой вектор коммуникативной завершенности высказывания определяется его интенциональностью. Интенциональная структура высказывания может рассматриваться в рамках достаточно сложной и многоуровневой модели, как, например, у П. Ф. Стросона¹⁰. Не углубляясь в общую теорию интенциональности¹¹, обозначим это понятие в его существенности для нашего исследования: интенция — это коммуникативное намерение, которым сопровождается высказывание в общении¹².

Интенций высказывания может быть несколько и много, они могут быть разнохарактерные и раз-

---

⁹ Здесь и ниже текст романа цитируется по изданию: *В. Пелевин. Generation «П»*. М.: Вагриус, 2003, с указанием страниц в скобках.

¹⁰ *Стросон П. Ф.* Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 151—170. См. обзор современного состояния проблемы интенциональности, составленный Т. Н. Ушаковой (Слово в действии: Интен-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб., 2000. С. 28—39), а также в работе: *Макаров М. А.* Основы теории дискурса. С. 35—38.

¹¹ См.: *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22—129; *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Там же. С. 170—194; *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217—237.

¹² *Арутюнов А. Р., Чеботарев П. Г.* Справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации» (Проект «Банки методических данных»: каталог коммуникативных единиц, интенции) // Русский язык за рубежом. 1993. № 5—6. С. 75—82.

ноуровневые по отношению друг к другу. Даже в простейшем, на первый взгляд, высказывании «Извините, могу ли я поинтересоваться, что Вы читаете?», обращенным мужчиной к симпатичной незнакомке, например, в салоне самолета, содержится ряд интенций, среди которых интенция прямой просьбы проинформировать занимает не самое важное место, а то и совсем ничего не значит. Обратное не работает: вне интенционального поля высказывание невозможно, оно тем самым теряет свой актуальный коммуникативный статус и превращается в абстрактное предложение (ср. знаменитое букварное «Мама мыла раму»). Другое дело, что важно правильно определить собственные границы высказывания, которые, естественно, далеко не всегда совпадают с границами лингвистического предложения: то же самое «Мама мыла раму», будучи одним из составных моментов букваря как сложного обучающего *высказывания-учебника*, попадает в общее интенциональное поле букваря и наделяется в нем подчиненной интенцией учебного примера.

Понятие интенции соотносимо с понятием коммуникативной стратегии, которое в настоящее время в различных аспектах разрабатывается в коммуникативной лингвистике¹³, риторике¹⁴ и нарратологии¹⁵. Применительно к категории дискурса мы рассмотрим это понятие ниже, здесь же сформулируем завершающий тезис данного раздела: оба вектора коммуникативной завершенности высказывания — информативный и интенциональный — в совокупности образуют его *актуальный смысл*, равно — но

---

¹³ Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

¹⁴ Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Основы речевой коммуникации. М., 1997.

¹⁵ Тюпа В. И. 1) Очерк современной нарратологии //

по-разному — обращенный к адресанту и адресату высказывания.

Высказывание и текст

Неотъемлемым качеством высказывания как единицы общения является его коммуникативная актуальность, его локализация в зоне актуальности коммуникативной ситуации. При этом сама зона актуальности может быть предельно различной — от моментального «здесь и сейчас» в повседневном дискурсе до монументального (либо в своей наивности, либо в лживости) «всегда и везде» дискурсов, встроенных в различные этажи духовной культуры и деятельности общества.

Текст — это высказывание, проецированное (нередко при помощи какой-либо дополнительной системы обозначений и фиксации в иной, более устойчивой материальной среде) в рамки *отложенной*, отстоящей во времени или пространстве коммуникации, а значит, это высказывание, в котором его коммуникативная актуальность носит не столько наличный, сколько потенциальный характер. Это значит, что в тексте актуальность высказывания уходит в план его интенциональной структуры.

Таким образом, неправильна формальная точка зрения, сводящая феномен текста только к моменту фиксации высказывания на каком-либо материальном носителе (бумага, глина и т. п.) при помощи определенной системы обозначений (например, системы письма).

Критика и семиотика. Новосибирск, 2002. Вып. 5. С. 5—31;
2) Основания сравнительной риторики // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7. С. 66—87; Кузнецов И. В. Проблема жанра и теория коммуникативных стратегий нарратива // Критика и семиотика. Новосибирск, 2002. Вып. 5. С. 61—70.

Высказывание и текст суть две стороны одного целого¹⁶, но это две различно акцентированные стороны: высказывание коммуникативно актуально, текст — коммуникативно потенциален. В то же время это значит, что высказывание *неотделимо* от своего текста в силу самого принципа своего осуществления. Наиболее отчетливо это видно в пластическом искусстве: что в скульптуре высказывание и что ее текст?

Другое дело, что высказывание, взятое в аспекте своей текстуальности, т. е. в своей обращенности к отложенной коммуникативной ситуации, может не вписаться в нее, не воплотить свой потенциал в смысл, свою интенцию в актуальность. И тогда высказывание умрет, раз или навсегда, и текст станет его могилой и его *памятником* (это словечко, кстати, весьма характерно для традиции изучения древних культур и литератур — но именно потому, что в этих традициях имеют дело с мертвыми высказываниями и произведениями, мертвыми языками и дискурсами).

Существенным является вопрос об отношении текста к дискурсу. В принципе, это отношение опосредовано моментом высказывания¹⁷. Дискурс, как мы определяли выше, как таковой состоит из высказываний (это два первичных в своей природе коммуникативных феномена), и, вслед за высказыванием, продолжает себя и возобновляет себя в текстах — всякий раз обновляясь при этом: «... воспроизведение текста субъектом ... есть новое, неповторимое событие в жизни текста, новое звено в исто-

---

¹⁶ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. С. 282.

¹⁷ Ср.: *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград, 2000. С. 5.

рической цепи речевого общения»¹⁸. Следует только учитывать качественную меру этой закономерности: понятно, что дискурсы устной сферы общения (повседневный, многие тематические и многие профессиональные) опираются по большей части непосредственно на высказывания, которые не нуждаются в текстах. Понятно и обратное: дискурсы письменной культуры просто неосуществимы вне текстуального начала, поскольку сами высказывания, образующие «тела» таких дискурсов, изначально рождаются в текстах.

Жанр

Рассмотрим отношение категории жанра к категориям высказывания, текста и дискурса.

По существу, жанр есть тип высказывания в рамках определенного дискурса. Если это так, то по каким параметрам высказывания группируются в жанры? Каковы, другими словами, их характерные жанровые признаки?

Выделим две группы таких признаков: коммуникативные и текстуальные.

Коммуникативные признаки жанра охватывают интенциональное разно- и единообразие высказываний дискурса. Собственно говоря, именно по параметру коммуникативных интенций М. М. Бахтин выделял речевые жанры — первичные по отношению к другим в той мере, в какой повседневный дискурс первичен по отношению к дискурсам профессии и культуры. Соответственно, мы можем говорить о таких жанрах повседневного дискурса, как вопрос и ответ, приветствие и прощание, просьба и приказ, поздравление, сожаление и соболезнование и т. д. Сами названия таких жанров суть не что

---

¹⁸ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 284.

иное, как базовые интенции, сопровождающие высказывания в рамках данных жанровых групп.

Вслед за П. Ф. Стросоном¹⁹, в коммуникативном аспекте жанра можно различать собственно интенциональную и конвенциональную составляющую. Например, *лекция* как жанр университетского образовательного дискурса интенциональна постольку, поскольку направлена на передачу фиксированного в определенных дисциплинарных рамках знания лицам, обучающимся в учебном заведении. При этом данный жанр конвенционален постольку, поскольку в рамках описанной выше интенции предполагает от участников дискурса определенное коммуникативное поведение: преподаватель должен излагать некое новое знание, а студенты должны внимать преподавателю, при этом студенты могут задавать вопросы по теме лекции, на которые преподаватель обязан давать достаточно определенные ответы в рамках данной темы и учебного предмета в целом. Конвенциональная сторона жанров в рамках дискурса тесно связана с феноменом дискурсных ролей, о которых будет сказано ниже.

Текстуальные признаки жанра характеризуют высказывание в плане структурности/композиционности его текста. Данные признаки малосущественны для элементарных речевых жанров (*первичных*, как их называл М. М. Бахтин²⁰) — их текстуальная структурность во многом сводится к лингвистической структурности (преимущественно синтаксической, но не только). В самом деле, структурные различия между вопросом и ответом в русскоязычной речи лежат в сфере языкового интонирования и,

---

¹⁹ Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах. С. 151—170.

²⁰ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. С. 239.

частично, в сфере порядка слов и собственно лексико-грамматического оформления высказывания. Гораздо большее, если не определяющее значение структура текста имеет для жанров, соотнесенных с дискурсами высшего порядка, или для *вторичных* жанров, по М. М. Бахтину. Это положение достаточно очевидно — как очевидны структурные различия в текстах, положим, коммерческого договора и делового письма.

Кстати говоря, и интенциональная структура вторичных жанров несравнимо сложнее и иерархичнее коммуникативных интенций первичных жанров. К примеру, каковы интенции романа как жанра в рамках литературно-художественного дискурса? Каков, прежде всего, общий коммуникативный статус романских интенций? Очевидно, что интенциональность романа в целом расположена в поле эстетических коммуникативных стратегий, и собственные, присущие жанру интенции романа, отвечают общим и частным целям (стратегиям) эстетического дискурса. Здесь мы переходим к вопросу о соотношении жанра и дискурса, в ходе рассмотрения которого ответим и на частный вопрос об интенциональном характере романа.

Жанр и дискурс

В принципе, дискурс как таковой идентифицируется в общем коммуникативном поле культуры и социальной деятельности постольку, поскольку реализует свою особенную, ему свойственную *коммуникативную стратегию*, — некую общую и в то же время специализированную коммуникативную *цель* и соответствующие ей дискурсивные *средства*²¹. Так,

---

²¹ Более развернутую модель коммуникативной стратегии дискурса см. в работе: Тюпа В. И. Основания сравнительной риторики. С. 66—87.